

Следующей формой проявления государственно-частного монополизма является сращивание правительственной номенклатуры, представителей государственной власти и органов управления с мафиозно-коррупцированной элитой коммерческих структур. Об этом свидетельствуют созданные коммерческие фирмы при министерствах, предприятиях (объединениях), предоставление коммерческими банками кредитов под залог имущества государственных предприятий (в России, как правило, оборонных) без согласия представителя собственника – Госкомимущества (в Беларуси – Мингосимущества до сентября 2001 г.), скрытый подкуп должностных лиц путем выдачи вознаграждений руководящим работникам государственных учреждений, президентам концернов, генеральным директорам объединений, поддержка деловыми кругами избирательных кампаний, распространение коррупции в различных органах государственной власти, создание благоприятных условий для некоторых «избранных» предприятий негосударственных форм собственности.

Так, Минский горисполком в начале 90-х гг. выступил учредителем 19 коммерческих структур [4, 2]. По данным профессора В. Снапковского (БГУ), в середине 90-х гг. из 113 руководителей белорусских предпринимательских структур 52 (45,9 %) оказывали влияние в той или иной мере на деятельность правительства, 8 (7,2 %) – сильное влияние; 54 (48,6 %) – расширили практику неофициальной благодарности за официальные действия государственных структур [17, 4]. Более половины белорусских бизнесменов, по данным опроса предпринимателей, сталкивались в своей деятельности с вымогательством со стороны должностных лиц [18, 8].

С целью воздействия на власть в трансформационной экономике создаются мощные группы, состоящие из представителей бизнеса и государства (типа Газпром, МОСТ, ЮКОС, ОНЭКСИМ и т.д.), влияние которых на различные государственные структуры способно парализовать правительство, остановить реформы и привести страну в тупик. Известно, что за рубежом политические деятели сразу же после избрания или назначения на государственные должности обязаны подать в отставку (оставить бизнес), продать свои акции и принять другие меры, чтобы в политической деятельности быть независимыми от прямого воздействия чьих-либо интересов. Среди депутатов не может быть бизнесменов, служителей культа и военнослужащих. В развитых странах абсолютно исключена практика, когда члены правительства в целях содействия предпринимательству берутся возглавлять определенные ассоциации, концерны и т.д., так как все это создает прецедент постановки отдельных организаций в привилегированное положение. При нарушении этих правил в силу вступает правосудие [19, 7].

Образование мафиозных группировок на основе совместного финансового, технологического или институционального контроля в различных сферах и отраслях. Такие объединения не имеют правового и институционального оформления, но играют в переходной экономике значительную экономическую, политическую и социальную роль [10, 47]. По данным МВД, в Российской Федерации

действует свыше 5000 крупных мафиозных структур. Организованная преступность контролирует более 40 тыс. хозяйствующих субъектов, в том числе 1,5 тыс. госпредприятий, 4 тыс. акционерных обществ. Объем теневой экономики России достиг 40 % ВВП, на увеличение размеров которой идет до 70 % незаконных доходов [20, 28; 21, 42; 22, 5; 23, 38; 24, 48]. Этот процесс А. Бузгалин справедливо относит к новейшим формам проявления монополизма в современных условиях и называет его «неформальным корпоративным монополизмом» [25, 258–260]. По оценкам специалистов, 20–50 % российской экономики контролируют теневые структуры, а 50 % – всего 7 чел. [26, 92]. В Беларуси в 1998 г. была восстановлена государственная монополия на продажу алкогольных и табачных изделий белорусских производителей. Вместе с тем криминальные структуры продолжают контролировать 1/4 табачного рынка (около 3 млрд шт. сигарет) [27, 7].

Осуществляются сращивание бизнес-элиты (руководителей негосударственных структур) и «промышленного генералитета», с одной стороны, и формирование финансово-политических группировок – с другой. Тенденции, наблюдаемые в общероссийской бизнес-элите, имеют место и на региональном уровне, где этот процесс носит более выраженный характер [28, 21–23]. Так, по данным Комитета государственного контроля Республики Беларусь, в 1997–1999 гг. под прикрытием «Белбизнесбанка» действовали более 100 фирм-однодневок, имеются факты сращивания сотрудников банков с их финансовой средой [29, 1]. По мнению американских юристов, «в постсоветской экономике образовался своеобразный треугольник: взаимопроникновение организованных преступных групп, коррумпированных чиновников (госслужащих) и нечестных бизнесменов (тех, кто создает легальные фирмы на основе криминальных денег или пользуется криминальными методами ведения дел)» [19, 7].

Лоббирование некоторыми ведомствами решения ряда вопросов (импорт оборудования и товаров) за счет государственных средств или иностранных кредитов, полученных под правительственные гарантии, в ущерб национальным производителям. Примерами являются закупки многих видов оборудования для ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства (все это могло изготавливаться на отечественных предприятиях с гораздо меньшими издержками). В республике установлены факты неэффективного, а также нецелевого использования валютных средств, в частности, кредитных ресурсов и товарно-материальных ценностей, полученных в рамках кредитов. Так, на 22 предприятиях Министерства сельского хозяйства и продовольствия, а также Министерства хлебопродуктов на протяжении нескольких лет простаивало оборудование, стоимость которого составляла в 1995 г. 2/3 от стоимости оборудования, закупленного по германскому кредиту. Не нашли применения около 700 единиц сельскохозяйственных машин (семяочистительных) на сумму 15 млн немецких марок. Райагропромснабы реализовали их за пределами республики по ценам в 20 раз меньшим, чем контрактные. При этом потери составили свыше 307 тыс. марок [30, 30].

Массовое создание экономических структур типа ассоциаций, государственных концернов, других объединений, стремление закрепить за ними властно-распорядительные функции, т.е. возрождение прежних отраслевых министерств. Они наделены полномочиями в вопросах производственно-хозяйственной деятельности, создания и использования централизованных фондов и резервов объединения, что противоречит принципу хозяйственной самостоятельности входящих в него

предприятий, установленному законом о предприятиях. Исключительные привилегии государственного объединения, концерна ограничивают возможности предприятий самостоятельно принимать решения по вопросам производства, цен, рынков сбыта и источников снабжения. Предприятия, входящие в эти объединения, придерживаются единой политики (например, в отношении цен) и тем самым создают монопольную ситуацию на товарном рынке. Усилению монополизма способствует и то, что продукция объединяемых предприятий является, как правило, однородной или взаимозаменяемой.

Либерализация внешнеэкономической и инвестиционной деятельности субъектов хозяйствования за рубежом и зарубежных инвесторов в национальной экономике, которая способствовала вытеснению отечественного производителя с внутреннего рынка. Государственная монополия сменилась монополией крупных частных структур, не всегда действующих в национальных интересах. Иностранные инвесторы активно пытаются приобретать акции наиболее рентабельных отраслей народного хозяйства – предприятий нефте- и газодобычи, цветной металлургии, транспорта, связи, электроэнергетики и оборонного комплекса. К примеру, в частных руках иностранных компаний и криминальных структур оказались такие основополагающие отрасли экономики России, как авиационный, водный и речной транспорт, машиностроение, нефтегазодобыча и переработка, объекты связи, производство электроэнергии. Фактически потеряно государственное влияние в цветной металлургии (более 90 % акций ее предприятий принадлежит западным компаниям). Доля участия государства в приватизированных предприятиях рыбной промышленности Дальнего Востока составляет 5–7 % [12, 4].

По данным Управления налоговых расследований ГГНИ Беларуси, громадные средства, маскируемые под дебиторскую задолженность, непорядочность иностранных партнеров, находятся за рубежом. Субъекты хозяйствования не спешат их взыскивать через международный суд. При отсутствии полной и достоверной отчетности по внешней торговле и строгого соблюдения соответствующего законодательства активизировался вывоз, в том числе и незаконный, валюты, нефтепродуктов, удобрений, цветных металлов и другого дефицитного сырья (лес, лен). Установлены факты реализации заведомо неэффективных контрактов, незнания платежеспособности зарубежных фирм, поставки им товаров по заниженным ценам. Совместные предприятия реализуют импортируемые товары народного потребления (часто невысокого качества), от продажи которых получают более 90 % всей прибыли [3, 4; 30, 30; 31, 21].

Отмечены случаи проникновения на внутренний рынок недобросовестных в финансовом отношении иностранных фирм. Используя национальные производственные мощности, дешевую рабочую силу, они получили высокие прибыли при минимальных валютных затратах. Например, Запад приобрел в России такой объем новых технологий, что НАТО учредило для их обработки специальную программу по классификации и применению [12, 4]. Злоупотребления отдельных должностных лиц способствовали нанесению прямого экономического ущерба Республике Беларусь иностранными компаниями путем поставки предприятиям устаревших и экологически вредных технологий и материалов. Такие факты имели место на Могилевском ПО «Химволокно», при развертывании производства аккумуляторных батарей в Гродненской области. Отмечались попытки создать СП в

Минской области по вторичной переработке полимерных отходов, завозимых из Германии. Была предотвращена реализация сделок ряда немецких фирм с белорусскими предпринимателями на поставку в республику под видом моющих средств и лакокрасочных материалов токсичных промышленных отходов [32, 20].

Многие западные коммерсанты, выходящие на внутренний рынок РБ, имеют незначительные капиталы. Как правило, это лица, стремящиеся поправить финансовое положение за счет льгот, предоставляемых иностранному капиталу в республике. В качестве иностранных инвесторов иногда регистрируются обанкротившиеся в своих странах фирмы и предприниматели. Так, из 30 фирм Франции, зарегистрированных в Беларуси в 1994 г. в качестве иностранных инвесторов, только 3 обладали деловой репутацией. Остальные фирмы обанкротились либо не существовали вообще. В сфере материального производства действовали менее 25 % ИП и СП. Причем их доля в общем объеме промышленного производства не превышала 1 %. Большинство фирм было занято посредничеством, торговлей, предоставлением транспортно-экспедиторских услуг [32, 20].

Обычным явлением стали факты невозвращения иностранными и совместными предприятиями кредитов, взятых в банках Беларуси, несвоевременное формирование зарубежными партнерами своей доли уставного фонда, уклонение от уплаты налогов, накопление валюты по сделкам на счетах зарубежных банков. Так, в конце 1998 г. сумма невозвращенных валютных кредитов девятнадцати белорусским банкам составляла 120 млн дол. и 17 млн нем. марок. Только Беларусбанку не было возвращено 31,5 млн дол. и 8,5 млн марок. Взятки «организаторам» кредитов, по предположению начальника управления Прокуратуры республики, составили 20 млн дол. (10 % от суммы кредита) [8, 2].

В промышленности Республики Беларусь, да и в экономике в целом, процесс становления новых организационно-хозяйственных структур практически носит искусственный и формальный характер. В настоящее время акционерными обществами, концернами, холдингами, финансово-промышленными группами, корпорациями в национальной экономике нередко именуется структуры, далекие по своей природе, статусу и содержанию от подобных формирований в рыночной экономике. Их отличают отсутствие реальной свободы, принудительная «добровольность» формирования, жесткая централизация управления и финансовых ресурсов, сравнительно небольшие (по западным меркам) размеры и количество структурных единиц, административная и финансовая зависимость от центрального звена, отсутствие необходимого научно-технического и производственного потенциалов.

В рыночной экономике акционерные общества появились вследствие обострения конкуренции как более высокая ступень в развитии индивидуального частного капитала. В Беларуси они создавались при отсутствии капитала, как правило, путем преобразования (переименования) предприятий в акционерные общества. Необходимо подчеркнуть, что настоящие акционерные общества существуют лишь тогда, когда их акции могут продаваться на рынке. Многие концерны образовались на базе ликвидированных министерств, руководивших деятельностью отраслевых предприятий, производивших главным образом однотипную продукцию. Фактически сохранились искусственно созданные барьеры для выхода на рынок новых производителей и нерациональная монополистическая структура, прежние стиль, принципы и методы управления.

Современный трансформационный период имеет ряд общих черт с условиями формирования национального рынка и экономики России в XVII в., когда значительную роль в экономической и политической жизни государства играли «капиталисты-купцы», монопольно управлявшие производством, торговлей и финансами. «Торговый класс по своему экономическому и общественному весу занимал выдающееся место в общественной иерархии государства, участвуя в качестве посредников государства в крупной внешней торговле, заведя таможенными, руководя царскими торговыми монополиями... Верхушка столичного купечества управляла государственными финансами. Так называемые гости, по характеристике И.Ф. Кильбургера, – «царские советники по коммерции и «факторы» – корыстолюбивая и вредная коллегия» – неограниченно и монопольно управляли торговлей и финансами во всем государстве». Они руководили царскими монополиями, внешней торговлей, таможенными сборами, самыми разнообразными откупами, в том числе важнейшим – кабацким, ведали рыбными и соляными промыслами, закупали для царя монопольные товары, распоряжались в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, являлись хозяевами во внешней торговле и пр. Выступая от имени интересов царской, а в XVII в. это означало и государственной казны и не забывая о личных интересах, «гости» представляли своеобразное для XVII в. слияние крупного торгового капитала с финансовым аппаратом феодально-абсолютистского государства [33, 227, 291—292].

В настоящее время вновь наблюдается подобная ситуация. Современные «купечество» и «дворянство» также выступают весьма влиятельной силой, воздействующей на государственных чиновников, навязывающей последним свои интересы, учет которых осуществляется путем экономической политики государства. Выдача ссуд и установление монополии превратились в политику поощрения отдельных лиц и фаворитов, организации частных компаний по аренде и эксплуатации заводов, предоставления им привилегий и крупных государственных субсидий, монопольных прав на предпринимательскую деятельность. Эти явления в значительной степени обусловлены закономерностями переходного периода. К их числу относится возросшая роль корпоративного (монополистического) регулирования в сфере производства и обращения. Главными причинами его преобладания являются отсутствие действенного государственного контроля над деятельностью корпораций, неразвитость конкуренции.

Характер, особенности либерализации и приватизации, прежде всего в отраслях естественных монополий, обусловили сращивание последних с «управляющей (административной) элитой», имеющей обширные связи на всех уровнях власти, директората крупных промышленных предприятий с его кураторами в министерствах, коммерческих банках, созданных на базе бывших государственных. В большинстве случаев приватизация оказалась лишь способом создания акционерных обществ, скрывающих корпоративную систему отношений собственности, когда государственный аппарат, банки и администрация предприятий фактически стали хозяевами бывшей государственной собственности.

В переходный период появились новые носители монопольной власти. Наряду с государством (правительством, министерствами и ведомствами, организациями, особенно розничными и оптовыми), предприятиями, занимающими доминирующее положение в производстве и на рынке, ею обладают

управление делами администрации президента, бюрократия (чиновники), в том числе и так называемая вертикаль, промышленная элита (директорский корпус), посредники, руководители теневого бизнеса.

В настоящее время происходит трансформация государственного монополизма в «скрытые гипертрофированные формы: скрытая монополия государства, чиновников, богатых мафиозно-коррупцированных кланов в торговле, сфере обращения, финансовой, скрытая монополия иностранного капитала в отдельных отраслях. Складываются государственно-чиновничья, директорско-административная, мафиозно-клановая монополии. Нигде в мире не существует таких форм и понятий. К скрытым формам монополизма приводят создаваемые финансово-промышленные группы, региональные консорциумы, ассоциации, отраслевые монополии» [34, 16]. Сохраняется сильная зависимость многих предпринимателей (прежних директоров приватизированных госпредприятий, новых менеджеров, возглавивших коммерческие структуры) от чиновников органов государственного управления, имеющих возможности неограниченного контроля над негосударственным бизнесом, его разрешения или запрещения. Монополисты тратят значительные средства на лоббирование своих интересов в органах управления.

Как показал анализ, в ряде сфер экономики Республики Беларусь до начала переходного периода функционировали специфические монопольные структуры, формы и содержание которых отличались от классических рыночных. Монополизм в республике явился следствием огосударствления экономики, политики гигантомании и централизации управления. Административные, или ведомственные, монополии создавались по приказу. Управленческая и организационная монополии сопровождалась значительной концентрацией власти на всех уровнях. Централизованное размещение инвестиций и распределение ресурсов обусловили формирование технологического монополизма. Хозяйственные связи складывались директивно и носили строго детерминированный организационный и технологический характер. В условиях административно-командной системы монополизм проявлялся главным образом в монополии государственной собственности и центральных органов власти и управления, министерств и ведомств, диктовавших предприятиям, что и в каких объемах производить, где и кому реализовывать продукцию по установленным высшими инстанциями ценам. Монополизм в экономике сопровождался монополизацией других сфер общественной жизни.

При отсутствии демократии и ограниченных товарно-денежных отношениях государственный монополизм представлял собой всеобщий, универсальный способ обеспечения управления воспроизводством в масштабе республики в целом и каждой его подсистемы. Предприятие, даже являясь единственным производителем определенной продукции либо доминируя в производстве или на рынке, не обладало реальной самостоятельностью и тем более монопольной властью, хотя формально считалось монополистом. Такая монополия, будучи искусственно созданной, не могла реализовать монопольное положение ни в области ценовой политики, ни в выборе рынков сбыта, ни в способах извлечения и присвоения монопольной прибыли. Следовательно, лишь отсутствия конкурента или наличия доминирования в производстве недостаточно для того, чтобы стать монополистом. Экономически обоснованная монопольная власть базируется на собственности, особенно на средства производства, а также на рыночной силе, обеспечивающей регулирование рынка и ограничение

конкуренции.

Монопольная сущность экономической системы в Республике Беларусь препятствует появлению конкурентной среды. Альтернативой сложившемуся монополизму может стать конкурентная политика государства, создающая реальные возможности для становления рыночной конкуренции.

Литература

1. Семенов Б. Реструктуризация управления промышленными предприятиями // Консультант директора. 1998. № 10.
2. Меркулова Ю.В. Проблемы становления конкурентной среды хозяйствования // Общество и экономика. 1993. № 9–10.
3. Бондаренко В., Шестовский В. Железное правило: доверяй и проверяй // Рэсп. 1996. 16 студз.
4. Доклад Временной комиссии Верховного Совета Республики Беларусь для изучения деятельности коммерческих структур, действующих при республиканских и местных органах власти и управления // Нар. газ. 1993. 16 снежня.
5. Галанов В.А. Становление бирж // О-во и экономика. 1992. № 1–2.
6. От авторитета власти напрямую зависит состояние дел в экономике и настроение людей: Докл. Президента А.Г. Лукашенко «О задачах республиканских и местных органов власти по социально-экономическому развитию Республики Беларусь в 1999 г.» // Сов. Белоруссия. 1999. 11 февр.
7. КПД Комитета по организованной преступности при МВД: беседа с руководителем Комитета М. Медведевым // Сов. Белоруссия. 2000. 21 янв.
8. Сулыга Е. Коррупция: с чем ее едят // Сов. Белоруссия. 1998. 10 нояб.
9. Лазарь Л. Взятка – входной билет в рай или в ад // Сов. Белоруссия. 1998. 11 марта.
10. Пурлик В.М. Рынок инвестиционных товаров и логистика. М., 1997.
11. Пикулькин А.В. Система государственного управления: Учеб. пособие / Под ред. Т.Г. Морозовой. М., 1997.
12. Технология величайшего обмана: Анализ первого этапа приватизации в документах, цифрах, фактах // Правда. 1995. 25 янв.
13. Радаев В.О некоторых чертах нормативного поведения новых российских предпринимателей // Мировая экономика и междунар. отношения. 1994. № 4.
14. Джонсон П. Америка России подарила пароход // Белорус. газ. 1996. 5 февр.
15. Явлинский Г. Сегодняшние трудности можно преодолеть... // ЭКО: экономика и организация пром. пр-ва. 1997. № 12.
16. Хаютина Т. Каждый третий – нарушитель // Рэсп. 1996. 13 лютага.
17. Снапковский В. Белорусская экономическая элита // Нац. экан. газ. 1995. 14 сак.
18. Дятловская И. Куда мы идем? // Белорус. газ. 1999. 1 февр.
19. Вечный треугольник: Интервью Дж. Джонса // Joint Ventures. 1994. № 2.
20. Делягин М. 1998 год: возможность создания предпосылок для экономического роста // Власть. 1998. № 2.

21. Демин А.А. Реформа и бизнес в современной России // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1996. Вып. 3.
22. Куликов А. Возможен новый всплеск криминальной активности // Власть. 1998. № 2.
23. Макаров Д. Экономические и правовые аспекты теневой экономики в России // Вопр. экономики. 1998. № 3.
24. Работяжев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мировая экономика и международн. отношения. 1998. № 2.
25. Бугалин А.В. Переходная экономика: Курс лекций по политической экономии. М., 1994.
26. Демин А.А. Фирма – экономический институт рыночной экономики // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1997. Вып. 4.
27. Республика Беларусь // Капитал-Эксперт = Capital-Expert: Ежегод. экон.- аналит. бюл. / Агентство «Business Trend News». 1998. № 37.
28. Куколев И.В. Формирование бизнес-элиты // Обществ. науки и современность. 1996. № 2.
29. Хватать за руку трудно, но Госконтроль старается // Белорус. газ. 1999. 15 нояб.
30. Сакович В.А. О некоторых вопросах хода исполнения в текущем году республиканского бюджета и эффективности использования его средств // Нац. экан. газ. 1995. 20 верас.
31. Гладышева А. Банки любят своих клиентов, но не всегда пользуются взаимностью // Нац. экан. газ. 1994. 5–11 кастр.
32. Экономическая безопасность Беларуси: «плюсы» и «минусы» информированности иностранцев // Белорус. дел. газ. 1994. 18 июля.
33. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: В 2 т.: Учеб. пос. 3-е изд. М., 1952. Т. 1.
34. Меркулова Ю.В. Стратегии преодоления структурного монополизма // О-во и экономика. 1995. № 10–11.